
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ

Woman in Russian Society
2019. No. 1. P. 111—120
DOI: 10.21064/WinRS.2019.1.10

Женщина в российском обществе
2019. № 1. С. 111—120
ББК 83.3(2=411.2)511-3
DOI: 10.21064/WinRS.2019.1.10

ОБ ИСТОКАХ ГЕНДЕРНОЙ АСИММЕТРИИ В РОССИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ: «ЮНОСТИ ЧЕСТНОЕ ЗЕРЦАЛО»

Н. В. Капустин

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, nkapustin@mail.ru

«Юности честное зеркало» относится к числу знаковых культурных явлений Петровской эпохи с ее установкой на новизну. Тем интереснее связь этой книги с традицией, отчетливо обнаруживающаяся в гендерной асимметрии. Проанализировав ее проявления (на уровнях архитектоники, композиции, семантики ключевых понятий, наличия/отсутствия предписываемых форм поведения), автор статьи делает попытку объяснить причины существующих диспропорций, расходясь при этом с высказанными в специальной литературе решениями. Сделанные наблюдения и предлагаемые истолкования подводят к итоговому выводу о том, что претендующее на создание новой модели русского мира, имеющее характер предписания «Юности честное зеркало» закрепило гендерную асимметрию, оставив женщину на религиозно-нравственной высоте, но одновременно ограничив ее возможности в социуме.

Ключевые слова: «Юности честное зеркало», Петровская эпоха, инновации, традиции, гендерная асимметрия.

ORIGINS OF GENDER ASYMMETRY IN RUSSIA OF MODERN AGE: “YUNOSTI CHESTNOE ZERTSALO”

N. V. Kapustin

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation,
nkapustin@mail.ru

“Yunosti Chestnoe Zertsalo” (“The Honorable Mirror for Youth”) belongs to the significant cultural phenomena of Peter the Great’s epoch with its orientation to innovations. The more interesting is the connection of this book with the tradition, clearly exposed in gender asymmetry. Having analyzed its manifestations (in architectonics, composition, semantics of the key notions, presence/absence of the prescribed types of behavior), the author of the article

tries to explain the causes of the existing disproportions, and his viewpoint differs from the solutions already suggested in special literature. The observations made and the interpretations offered lead to the final conclusion that “Yunosti Chestnoe Zertsalo”, claiming to the creation of a new model of the Russian world and having a prescriptive character, actually recorded gender asymmetry, leaving the woman at the religious and moral height but at the same time limiting her opportunities in the society.

Key words: “Yunosti Chestnoe Zertsalo” (“The Honorable Mirror for Youth”), Peter the Great’s epoch, innovations, traditions, gender asymmetry.

«Юности честное зеркало, или Показание к житейскому обхождению, собранное от разных авторов» (1717) принадлежит к числу тех книг, которые, не имея каких-либо особенных литературных достоинств, тем не менее оставили глубокий культурный след. Назвав ее «ничтожной немецкой книжонкой», В. О. Ключевский, в сущности, тут же и опроверг эту характеристику, заметив, что она ни больше ни меньше «стала воспитательницей общественного чувства русского дворянина» [Ключевский, 1993: 97]. Современные исследователи усматривают в ней линии, ведущие к русской классической литературе [Прохоров, 2008: 27].

К сожалению, до сих пор точно не установлены лежащие в основе «Юности честного зеркала» европейские, вероятно не только немецкие, источники. Не решен вопрос о степени причастности к возникновению книги тех, с кем связывают ее появление (в этом ряду обычно называют преподавателя первой московской гимназии, поэта и переводчика И.-В. Паузе, фельдмаршала, известного государственного деятеля Я. В. Брюса, епископа Гавриила (Бужинского), наконец, Петра I). Вместе с тем совершенно ясно, что набранное гражданским шрифтом, с арабским обозначением цифр, трижды переизданное при жизни Петра «Юности честное зеркало» оказалось своего рода манифестом осуществляемых им культурных новаций. Тем интереснее связь этой книги с традицией, о чем стоит сказать особо.

«Юности честное зеркало» зачастую характеризуют как первый в России учебник хорошего тона, этикета, на что, собственно, настраивает и вторая часть названия («Показание к житейскому обхождению»), и содержащиеся здесь конкретные правила поведения. Это так, но и не вполне так. Специфика «Зеркала» становится особенно очевидной, если поставить его в один ряд с более отдаленными по времени руководствами хорошего тона, например «Правилами светской жизни и этикета» (1889), или даже с такими хронологически приближенными к нему изданиями, как «Наука быть учтивым» (1774) и «Искусство быть забавным в беседах» (1791). Главное отличие в том, что книга петровского времени нацелена не только на то, чтобы привить хорошие манеры. Вступая в своеобразный диалог с «Домостроем», мироустроительным сочинением-«программой» XVI в., «Юности честное зеркало» создает другую *модель* русской жизни, «проявляет принципиально иное отношение к месту человека в мире» [там же: 19]. В этом смысле перед нами направленный на модернизацию русской жизни текст, вполне репрезентативный для эпохи петровских преобразований с ее установкой на новизну. Но бесспорное в целом представление о петровских инновациях, культурной границе, разделявшей допетровскую Русь и новую Россию,

не нужно догматизировать. «Переворот, — отмечал В. М. Живов, — действительно имел место, и историческое сознание действительно подверглось преобразованию, однако объективация этого процесса требует четкого уяснения сферы его действия» [Живов, 2000: 576]. Справедливо отмечалось также, что взгляд на Петровскую эпоху как исходный пункт новой русской истории не должен оттеснять на периферию исследовательского внимания «те элементы преемственности, которые существуют между явлениями допетровского и послепетровского времени — в социальных структурах, механизмах культурно-религиозного восприятия, литературном процессе...» [там же: 577].

Сказанное имеет непосредственное отношение и к «Юности честному зеркалу». Дело не только в том, что эта книга наследует жанровой традиции зеркал — характерной для Средневековья разновидности дидактической словесности, основой которой было восходящее еще к Диогену и Сократу представление о зеркале, способном сказать человеку, каков он есть и каким должен быть [Мельшиор-Бонне, 2006: 212]. Элементы старого в новом проявляют себя и в другой составляющей текста — в том, что в наше время принято называть гендерной асимметрией. Г. С. Прохоров писал: «...мир “Юности честного зеркала” разбит на множество кусочков: секулярный и религиозный, мужской и женский, дворянский и народный. И в этом разделении происходит, по-видимому, скрытая, неосознанная, но самая болезненная коллизия этого произведения и русского мира XVIII—XX веков. ...Все перечисленные аспекты объединяются в четкую, бинарно противопоставленную систему: секулярное — дворянское — мужское и религиозное — народное — женское. Первая система жестка и негуманна, а вторая — практически точное повторение традиционного мировидения, выраженного и в “Домострое”» [Прохоров, 2008: 25].

В самом общем виде разделенность разных сфер обусловлена отсутствием целостности восприятия мира. Но как объяснить конкретные противопоставления, в частности гендерную асимметрию, при которой дворянскому юноше Нового времени «Зерцало» указывает путь к придворному миру, карьере, мирской чести, а дворянской девушке отводит привычную роль добродетельного, целомудренного существа, покоящегося в колыбели традиции? По мнению Г. С. Прохорова, едва ли не впервые задавшегося этим вопросом, асимметрия объясняется тем, что для «Юности честного зеркала» придворный мир становится не идеалом, но одним из возможных полюсов. «На другом полюсе — непреходящие ценности, которые по-прежнему есть и важны, даже несмотря на то, что могут отнюдь не способствовать карьере. Чтобы как-то преодолеть разломанность мира, автор “Юности честного зеркала” и предлагает гендерное разграничение полюсов. Мужчина жертвует Богом ради государя, мирской чести и карьеры. Женщина жертвует карьерой ради Бога, семьи и вечных ценностей» [там же: 27]. Однако с таким объяснением трудно согласиться: говорить о принесении в жертву карьеры применительно к женщине начала XVIII в. не приходится, поскольку это понятие с ней никак не соотносилось (вероятно, Г. С. Прохоров имеет в виду не конкретную историческую ситуацию, а некую возможную мыслительную конструкцию). К тому же создателям «Юности честного зеркала» приписывается столь высокая степень рефлексии, включающая заботу о вечном и ощущение суетности карьеры, что невольно возникают сомнения. Возможно иное, в большей мере

учитывающее контекст петровского времени, объяснение. При этом, чтобы избежать схематизма, важно учесть некоторые существенные нюансы.

Так, в принципе соглашаясь с тезисом о резком (бинарном) противопоставлении материала книги по принципу «мужское/женское», нужно заметить, что порой оно смягчено. Ряд наставлений адресованы одновременно и юноше, и девушке. Таковы содержащиеся в начале книги обращения к детям, ребенку, хотя и здесь взгляд на адресата в большей мере смещается в сторону юноши. Ср.: «Во-первых, что самое важное, дети должны уважать и чествовать своего отца и свою мать. Когда родители им что-либо приказывают, то следует шляпу держать в руках, не надевать ее, доколе рядом с ними находятся родители» [Юности честное зеркало, 2008: 149]. Если первая часть максимы в гендерном плане нейтральна, то упоминание о шляпе направляет взгляд в сторону юноши, поскольку этот головной убор женщины начала XVIII в. еще не носили. Подобного рода случаи, когда при внешней обращенности императивов юноше и девушке одновременно реальным адресатом, тем не менее, оказывается юноша, можно заметить и далее (таковы наставления 3, 6), хотя в целом установка на общность адресата какое-то время доминирует, а гендерная нейтральность соответственно выдерживается.

Начиная с максимы 13 адресаты книги дифференцируются. Обращенность к юноше манифестируется образами «молодого отрока», далее «кавалера», «молодого человека», «молодого шляхтича или дворянина», «истинного придворного человека» и тому подобными именованьями. Так, правда с некоторыми осложнениями (в максимах 27 и 28 вновь появляется обращение к «молодым людям», а не отдельно к «отроку»), продолжается до раздела «Венец девической чести и добродетелей...», начиная с которого и до окончания книги адресатом становится дворянская девушка. При этом «мужскую» часть книги завершают выделенные среди прочих отсутствием нумерации разделы «Как молодой отрок должен поступать, когда он с другими в застолье сидит» и «Каким образом должен отрок вести себя среди чужих». В «женской» части книги последними разделами оказываются «Девическое целомудрие» и «Девическое смирение». Таким образом, уже архитектоника и композиция текста свидетельствуют о значимости и контрастности его гендерной составляющей.

Гендерная асимметрия проявляется и в тех случаях, когда речь заходит о, казалось бы, общих требованиях — тех, которые предъявляются и девушке, и юноше. В частности, вера в Бога, посещение церкви или такие качества, как благочестие и смирение, предписываются обоим адресатам. В «мужской» части книги говорится и о любви к ближнему, без которой «невозможно спастись» [там же: 161]. То есть и юноша мыслится составителями книги отнюдь не только в секулярном пространстве. Однако общность понятий, с которыми соотносятся оба адресата, еще не свидетельство общности стоящих за ними смыслов. Это касается, например, смирения, о котором говорится применительно и к юноше, и к девушке.

Раздел «Девическое смирение», как было отмечено, вынесен в самый конец «женской» части, в так называемую сильную позицию текста. Сделано это, вероятно, вполне осознанно, поскольку в иерархии женских добродетелей смирению отводится особая роль: «Между другими добродетелями, которые украшают честную даму или девицу и от них требуются, *начальнейшая и главнейшая*

добродетель — *смирение* (здесь и далее курсив в цитатах мой. — Н. К.), которое в себе весьма многое содержит» [там же]. Далее следует его подробнейшая характеристика как христианской добродетели, превращающаяся, по сути, в религиозно-нравственный трактат. Что касается «мужской» части, то здесь смирение хотя и попадает в один контекст с гордостью (вероятно, как отзвук известного апостольского изречения «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать»), оказывается в перечислительном ряду с другими добродетелями, к тому же мирскими, отчего его сакральная значимость, естественно, снижается: «Подлинно благочестивый кавалер бывает *смирен, приветлив и учтив*, ибо гордость мало добра приносит» [там же: 154]. К тому же в отличие от «женской» части текста, где смирение осмысливается как метафизическая категория, в «мужской» оно приобретает заметный прагматический оттенок, оказывается средством на пути достижения *славы* — значимого в пространстве книги понятия применительно к юноше: «Эти три добродетели — *приветливость, смирение и учтивость* — много украшают славу шляхетскую» [там же]. Ср. также: «Кто названных трех добродетелей не имеет, *тот никак не может превзойти других* и между ними просиять подобно светилу в темном месте или каморе» [там же]. Примечательно и то, что значимость смирения, вновь попадающего в мирской контекст, подтверждается в «мужской» части текста ссылками не на Библию и отцов церкви, а на авторитет пословицы (что типично для этой части книги): «Немалая краса отроку, если он смирен и не сам на великую честь напрашивается, но ожидает, пока его пригласят танцевать или к столу идти вместе с другими, ибо говорится: “Смирение — молодцу ожерелие”» [там же: 159]. Таким образом, семантика смирения, которым должны обладать юноша и девушка, в «Юности честном зеркале» существеннейшим образом разнится. Если над смирением «дамы» и «девицы» и витает дух петровских перемен, то проявляется он разве что в непривычном еще для русского сознания именовании «дама» и в характере отсылки к авторитетам. Среди них наряду с привычными именами и цитатами можно найти апелляции не только к почитаемым Русской православной церковью католическим святым, но и к античности (подробнее см.: [Прохоров, 2008: 198—206]).

К сказанному нужно добавить, что и само понятие добродетели — центральное для «женской» части книги, где названы двадцать добродетелей (от стремления и любви к слову Божьему и любви к Богу — до молчаливости), в его «мужской» части имеет другую наполненность. Если в первом случае оно ведет к спасению души, то во втором обеспечивает мирские потребности человека Нового времени: «Отрок должен стараться и думать о том, как бы стать благочестивым и добродетельным. Становиться таким ему важнее, чем детям, взрослым и старикам, потому что не славная фамилия, не высокий род *приводят его в шляхетство*, но благие, честные и достохвальные поступки. <...> В этом состоит истинное *избавление от убожества*, прямая опора и непреложная *основа богатства*» [Юности честное зеркало, 2008: 153—154]. В таком контексте понятно, почему стыдливость, которая в случае с девушкой оказывается проявлением христианского целомудрия, применительно к юноше может сыграть отрицательную роль: «Кто при дворе бывает стыдлив, тот уходит с пустыми руками от двора, ибо когда кто-то верно господину служит, то ему необходима верная

и надежная награда. А кто служит, ища милости, того награждают только милосердием. Ради милости никто никому служить не должен, кроме как Богу. Государю служат чести ради и прибыли для, а также для временных милостей» [там же: 155]. Закономерно, что образ юноши соотносится со смелостью, бодростью, отвагой, самостоятельностью, с умением фехтовать («шпажной битвой») и ездить на коне.

Замечено, что «Юности честное зеркало» принадлежит к тем книгам, в которых «этикетные правила соседствуют с моральными наставлениями» и «конкретные алгоритмы действия в определенных ситуациях отходят на второй план» [Капкан, Лихачева, 2017: 117]. Это верно как по отношению к «мужской», так и «женской» частям книги. Однако конкретных рекомендаций (алгоритмов), предназначенных для юноши, гораздо больше, чем адресованных девушке. Обращенные к ней максимы в подавляющем большинстве случаев конкретики лишены (на первом плане оказываются нравственно-религиозные добродетели). Исключение — раздел «Девическое целомудрие», где охарактеризованы конкретные проявления вынесенного в заглавие качества.

Часть советов манифестирует неотделимую от целомудрия, измеряемую высокой библейской мерой стыдливость: «Стыдливая девица потупляет свои очи, как Ревекка, увидев еще издали идущего к ней Иакова. <...> И ты, когда на тебя человек взирает, покраснев, не поднимай глаза свои, а свой взгляд опускай в землю»; «Стыдливая девица не только краснеет в лице, но и имеет стыдливые уши. Смутится, когда бесстыдное слово услышит или легкомысленные, искусные издевки и скверные песни. Истинная девица потупляет свое лицо, будто бы не понимает смысла, или, встав, отходит подальше» [Юности честное зеркало, 2008: 176, 177]. Ср. также: «О состоянии и нраве свидетельствует девическая походка: по тому, что девица выступает павою, сразу видно, что она хочет себя людям показать, даже если она прошла всего одну улицу» [там же: 178]. О том же «состоянии и нраве» говорит и способность правильно, обдуманно одеться («легкомысленная одежда... показывает легкомысленный нрав»), а также уйти из-за стола, если «случится сидеть возле грубого невежи, который ногами сучит и несмирно сидит...» [там же: 180]. Этим вознесенным на аксиологический пьедестал формам проявления целомудрия противостоит семиотика иного, негативно окрашенного типа поведения, по контрасту с которым формируется представление о должном: «Непорядочная девица со всяким смеется и разговаривает, бегаёт, разиня пазуху, по причинным местам и улицам, садится к другим молодцам и мужчинам, толкает локтями, не сидит смирно, поет блудные песни, веселится и напивается пьяной, скачет по столам и скамьям, дает себя по всем углам таскать и волочить, как стерва» [там же: 178—179]. Ср. с менее саркастическим, но также недвусмысленно выраженным авторским отношением к показному смирению («некоторые девицы с виду ради чести смиренны») и кокетству: «Молодая жена, которая кокетничает с молодым мужчиной и неудачно с ним шутит, тайно в уши что-то шепчет, — кто такую может оправдать от подозрений» [там же: 178]. Вот, собственно, и весь женский поведенческий репертуар. Его бедность на фоне достаточно разветвленных форм мужского поведения (см. о них: [Капкан, Лихачева, 2017: 117, 120 и др.]) очевидна. Закономерно встает вопрос о причинах такой диспропорции.

Казалось бы, ответ прост: публичная сфера русской дворянки начала XVIII в. еще довольно ограничена. Однако этот вариант ответа вряд ли может удовлетворить полностью. Во-первых, потому, что «Юности честное зеркало» — это нормативный текст, который, подобно другим «зерцалам», не столько идет за реальностью, сколько формирует ее. Во-вторых, такой ответ не вполне учитывает реальную сложность культурно-исторической ситуации. Дело в том, что в русской жизни конца XVII — первой трети XVIII в. начинается ломка привычных представлений о жизненном пространстве женщины, ее месте и роли в обществе.

По наблюдениям Н. Л. Пушкаревой, изменения проявились и во внешнем облике женщин (приказано носить одежду европейского кроя), и в их модели поведения (предписывалось участие в официальных торжествах и празднествах, несколько позднее в ассамблеях и ночных балах). «Девушек на выданье» полагалось вывозить «в свет», что привело к изменению форм знакомства молодежи из зажиточных семейств [Пушкарева, 1997: 144—147 и др.]. К этому стоит добавить, что Петр являл новый тип сознания не только в указах, но и письмах к Екатерине I. Это обнаруживается в характере обращений («Катеринушка, друг мой, здравствуй!», «друг мой сердешнинькой», «лапушка» и др.) [там же: 176], в информации о нерадивых «помочниках», переходах от серьезности к юмору, в самоиронии, в бытовых частностях, вроде сообщений о посылаемых Екатерине часах «новой моды», бутылке венгерского, «устерсах» (устрицах) [Письма русских государей..., 1861: 16, 18, 21, 23, 24, 25, 31 и др.]. Контраст между старым и новым особенно ошутим на фоне «Домостроя», в установлениях которого последнее было бы расценено как склонность к греховному гортанобесию (гурманству), как баловство и поощрение к пьянству. Ср.: «Важно, чтобы у жены ни под какими предлогами не было пьянящего питья: ни вина, ни медовухи, ни пива, ни гостинцев. <...> Жена пусть пьет бесхмельную брагу и квас как дома, так и в гостях» [Домострой, 2008: 77].

Таким образом, при всем том, что петровские ассамблеи «напоминали не парижские салоны того времени, а голландские таверны» [Козьякова, 2016: 92], в русской жизни начала XVIII в. возникали новые коммуникативные ситуации, формировались или предугадывались поведенческие сценарии, требовавшие этикетного наполнения. Казалось, что «Юности честное зеркало», учитывая к тому же модернистское сознание Петра, по инициативе которого оно создавалось, должно было в полной мере откликнуться на запрос времени. Однако по отношению к девушке это было сделано еще очень робко. Вопрос, почему так произошло, возникает вновь.

Ответить на него можно только гипотетически.

Затруднения связаны с тем, что в основе «Юности честного зеркала» лежат западноевропейские источники, круг которых до сих пор точно не установлен, как неизвестен в достаточном объеме и корпус бытовавших в Европе книг подобного плана. Не исключено, что у составителей «Юности честного зеркала» просто не оказалось под рукой руководства, какое смогло бы заполнить лакуны, касающиеся конкретных характеристик женского поведения. Лишь в случае обнаружения прецедентного текста (текстов) и его (их) дальнейшего изучения обретет конкретику тезис А. М. Панченко: «Петр I и его сподвижники учились

языку европейской постренессансной культуры и говорили на нем, хотя с сильным русским акцентом» [Панченко, 1984: 136], который без достаточных пока на то оснований порой проецируют на «Юности честное зеркало».

Однако дело не только в наличии или отсутствии подходящего источника как такового.

Есть устойчивые конструкты сознания, бессознательно транслируемые структуры — вечные спутники человека. Гендерные представления из их числа. Справедливо замечено, что «совпадение или смещение гендерных ролей обычно рассматривается как угроза вековым общественным устоям, как разрушение жесткой иерархической модели или как отклонение от нормы» [Крейдлин, 2005: 10]. Что касается Петровской эпохи, то даже во время Святков, с их атрибутикой ряжения и маскирования, когда легче воспринимаются разного рода перемены облика, традиционалисты видели «чудеса антихриста, явленные миру царем, который *посредством бранобрития и париков будто бы отменил различие полов*» [Покровский, 1977: 222]. В итоге получилось так, что «Юности честное зеркало», призванное изменить привычную модель русского мира, решило эту задачу только по отношению к дворянскому юноше. Что касается девушки, то представление о том, какой ей быть, осталось традиционным. Этому представлению действительно наследует русская классическая литература [Прохоров, 2008: 27], случаи гендерного равенства в которой немногочисленны и специфичны (см. об этом: [Капустин, 2016]). Тем самым претендующее на создание новой модели русского мира, имеющее, по сути, характер предписания «Юности честное зеркало» закрепило гендерную асимметрию, оставив женщину на религиозно-нравственной высоте, но одновременно ограничив ее возможности в социуме.

Библиографический список

- Домострой: Сильвестровский извод // Домострой; Юности честное зеркало. СПб.: Азбука-классика, 2008. С. 31—132.
- Живов В. М. Культурные реформы в системе преобразований Петра I // Из истории русской культуры. М.: Языки рус. культуры, 2000. Т. 3: XVII — начало XVIII века. С. 528—583. (Сер.: Язык. Семиотика. Культура).
- Капкан М. В., Лихачева Л. С. «Юности честное зеркало»: этикетные традиции и новаторство // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2018. Т. 24, № 1 (171). С. 114—126.
- Капустин Н. В. Творчество А. Н. Островского в гендерном аспекте: комедия «Волки и овцы» // Вестник Костромского государственного университета. 2016. Т. 22, № 2. С. 101—105.
- Ключевский В. О. Русская история: полный курс лекций: в 3 кн. М.: Мысль, 1993. Кн. 3. 558 с.
- Козьякова М. И. Исторический этикет. М.: Согласие, 2016. 280 с.
- Крейдлин Г. Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. М.: Языки слав. культуры, 2005. 224 с. (Studia philologica. Series minor).
- Мельшиор-Бонне С. История зеркала. М.: Новое лит. обозрение, 2006. 456 с.
- Панченко А. М. Русская культура в канун Петровских реформ. Л.: Наука, 1984. 205 с.

- Письма русских государей и других особ царского семейства: I. Переписка Петра I с Екатериною Алексеевною. М., 1861. 166 с.
- Покровский Н. Н. Новый документ по идеологии Тарского протеста // Источниковедение и археография Сибири. Новосибирск: Наука, 1977. С. 221—234.
- Прохоров Г. С. Предисловие // Домострой; Юности честное зеркало. СПб.: Азбука-классика, 2008. С. 5—28.
- Прохоров Г. С. Примечания // Домострой; Юности честное зеркало. СПб.: Азбука-классика, 2008. С. 187—206.
- Пушкарева Н. Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X — начало XIX века). М.: Ладомир, 1997. 381 с.
- Юности честное зеркало, или Показание к житейскому обхождению, собранное от разных авторов // Домострой; Юности честное зеркало. СПб.: Азбука-классика, 2008. С. 149—186.

References

- Domostroï: Sil'vestrovskii izvod (2008) [Domostroï: Sil'vestrovskii izvod], in: *Domostroï; Iunosti chestnoe zertsalo*, St. Petersburg: Azbuka-klassika, pp. 31—132.
- Iunosti chestnoe zertsalo, ili Pokazanie k zHITEÏskomu obkhozhdenniū, sobrannoe ot raznykh avtorov (2008) [Iunosti chestnoe zertsalo, or Code of behaviour in various life spheres collected by different authors], in: *Domostroï; Iunosti chestnoe zertsalo*, St. Petersburg: Azbuka-klassika, pp. 149—186.
- Kapkan, V. M., Likhacheva, L. S. (2018) “Iunosti chestnoe zertsalo”: etiketnye traditsii i novatorstvo [“Iunosti chestnoe zertsalo”: Etiquette traditions and innovations], *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta*, serii 1, Problemy obrazovaniia, nauki i kul'tury, vol. 2, no. 1 (171), pp. 114—126.
- Kapustin, N. V. (2016) Tvorchestvo A. N. Ostrovskogo v gendernom aspekte: komediia “Volki i ovtsy” [Gender aspects of A. N. Ostrovsky's works: Comedy “Wolves and Sheep”], *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 22, no. 2, pp. 101—105.
- Kliuchevskii, V. O. (1993) *Russkaia istoriia*: Polnyi kurs lektsii [Russian history: A complete course of lectures], vol. 3, Moscow: Mysl'.
- Koz'iakova, M. I. (2016) *Istoricheskiï etiket* [Historical etiquette], Moscow: Soglasie.
- Kreïdlin, G. E. (2005) *Muzhchiny i zhenshchiny v neverbal'noi kommunikatsii* [Men and women in non-verbal communication], Moscow: Iazyki slavianskoï kul'tury.
- Mel'shior-Bonne, S. (2006) *Istoriia zerkala* [The history of mirror], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Panchenko, A. M. (1984) *Russkaia kul'tura v kanun Petrovskikh reform* [Russian culture on the eve of Peter the great's reforms], Leningrad: Nauka.
- Pis'ma russkikh gosudareï i drugikh osob tsarskogo semeïstva: I. Perepiska Petra I s Ekaterinoniu Alekseevnoi* (1861) [Letters of Russian sovereigns and other persons of tsarist family: I. Correspondence of Peter I and Ekaterina Alekseevna], Moscow.
- Pokrovskii, N. N. (1977) Novyi document po ideologii Tarskogo protesta [A new document on ideology of Tara revolt], in: *Istochnikovedenie i arkheografiia Sibiri*, Novosibirsk: Nauka, pp. 221—234.
- Prokhorov, G. S. (2008) Predislovie [Introduction], in: *Domostroï; Iunosti chestnoe zertsalo*, St. Petersburg: Azbuka-klassika, pp. 5—28.
- Prokhorov, G. S. (2008) Primechaniia [Comments], in: *Domostroï; Iunosti chestnoe zertsalo*, St. Petersburg: Azbuka-klassika, pp. 187—206.

- Pushkareva, N. L. (1997) *Chastnaia zhizn' russkoï zhenshchiny: nevesta, zhena, liubovnitsa (X — nachalo XIX veka)* [Private life of Russian woman: a bride, a wife, a lover (the X c. — the beginning of the XIX c.)], Moscow: Ladomir.
- Zhivov, V. M. (2000) Kul'turnye reformy v sisteme preobrazovaniï Petra I [Cultural changes in the system of reforms of Peter I], in: *Iz istorii russkoï kul'tury*, vol. 3: XVII — nachalo XVIII veka, Moscow: Iazyki russkoï kul'tury, pp. 528—583.

Статья поступила 19.12.2018 г.

Информация об авторе / Information about the author

Капустин Николай Венальевич — доктор филологических наук, профессор кафедры русской словесности и культурологии, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, nkapustin@mail.ru (Dr. Sc. (Philology), Professor at the Department of Russian Literature and Cultural Studies, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation).